

КРЕМЬ 2222

КРЕМЛЬ 2222

Константин Кривчиков

ТОБОЛЬСК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К82

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

Оригинал-макет разработан редакцией Астрель СПб

Художник — *Александр Руденко*

Кривчиков, Константин Юрьевич.

К82 Кремль 2222. Тобольск : [фантастический роман] / Константин Кривчиков. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (КРЕМЛЬ).

ISBN 978-5-17-095935-8

Беда не приходит одна. Тобольский Кремль атакует неисчислимая орда мутантов-шайнов. Их цель — уничтожить немногочисленных защитников древней крепости, а также захватить чертежи генетического оружия, которое поможет мутантам стать властелинами мира.

Шайны коварны, безжалостны и очень сильны. Но простой тобольский парень Сновид знает: шанс на победу все-таки существует. Есть у Сновида уникальная способность видеть во сне возможное будущее — как свое, так и тех, кто рядом с ним. Вот и сейчас он знает, что если хватит у него сил пройти кошмарные испытания и выстоять там, где невозможно выжить обычному человеку, то у защитников Тобольска появится шанс отбиться от ужасного врага.

И еще знает Сновид — если не поддержат его жители Тобольска, то и этого шанса не будет. Но как заслужить доверие соплеменников, когда никто не воспринимает всерьез его дар, даже прекрасная Рузанна, ради которой Сновид готов отдать свою жизнь? Возможно ли обычному парню стать лидером, за которым пойдут люди? Сможет ли один человек спасти родной Тобольск силой своего духа и разума?

А между тем враги все ближе, все холоднее леденящее дыхание смерти и все труднее бороться с мыслью о бесполезности битвы с ордой мутантов, обречших на гибель древний Тобольск...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095935-8

© К. Кривчиков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Он видел страшную, искаженную злобой и ненавистью морду, до самых глаз заросшую густой шерстью. В ней все-таки присутствовало нечто человеческое и разумное. Но присутствовало как исчезающее или едва начинающее проступать: уже не зверь, но еще не человек.

Если бы Павел не спал, то он, конечно, сразу бы понял, что видит харю нео. Пусть в чем-то и похожую на человеческое лицо. Но ему снился сон, и поэтому он не мог ничего осознать, лишь ощущал. И только в глубине мозга невянятно пульсировало: *нелюдь*.

Харя нелюди то возникала, то исчезала, заслоняемая мешаниной из тел и оружия: мечей, копий, секир, дубин... И все это лихорадочное мельтешение дышало ненавистью и яростной злобой.

А потом вдруг возникла фигура — человеческая фигура в латах воина. Возникла и пропала, заслоненная все той же мордой с выпученными глазами. Огромной мордой — предки Павла сказали бы: «Во весь экран». Но Павел никогда не видел кино. Поэтому он ничего не подумал, а лишь попытался зажмуриться, чтобы избавиться от навязчивого и пугающего образа...

Не получилось. Правда, *нелюдь* все же исчезла и вместо нее снова появилась человеческая фигура в доспехах. Затем человек обернулся — у него были кудрявая черная борода и пронзительно синие глаза. И Павел...

Нет, в ту секунду он ничего не успел сообразить — лишь ощутил, как перехватило дыхание. А в следующее мгнове-

ние увидел, как что-то блеснуло, и из рассеченного горла человека с синими глазами брызнул фонтан крови.

Вот тогда Павел закричал: отчаянно, хрипло, с надрывом. Потом закашлялся. И проснулся, хватая ртом воздух.

Через несколько секунд Павел понял, что лежит на своем топчане. Тогда он резко приподнялся и сел, опустив босые ноги на пол. И сразу почувствовал, что рубаха взмокла от пота.

Мысли ворочались с трудом, выбираясь из вязкой тины кошмара. Тряхнув головой, он поднялся и приблизился к проему окна. На зиму створку затягивали полиэтиленовой пленкой. Но сейчас заканчивалась весна, и пленку сняли. Чего в духоте париться, если уже почки на деревьях набухли, и снег почти растаял?

Люди Тобольской Промзоны, выжившие в страшных условиях постыдадного мира, не боялись холода, ибо давно адаптировались к нему. Павла, как и других детей его поколения, с раннего возраста приучали умываться снегом и ходить по нему босиком. Вот и сейчас, когда на улице держалось немногим выше нуля градусов, он стоял у окна и не ощущал холода.

Лишь взмокая от пота рубашка неприятно липла к телу, напоминая о кошмарном видении. И внутри неприятно подрагивало. Но если это и имело отношение к холоду, то совсем к другому. К холоду смерти, которым дынуло на Павла во сне. И смерть грозила не ему.

Он выглянул в оконный проем, интуитивно, не признавая себе в таком желании, опасаясь обнаружить отца. Не обнаружил. Тогда надел сапоги и отправился во двор. Там, по углам, лежал не растаявший снег, и зачем тратить на умывание воду, когда можно воспользоваться им?

С отцом столкнулся на крыльце.

— Встал? — спросил Корней. — А я уж собрался тебя будить. Тебе на смену скоро.

— Я помню.

— Тогда чего такой квелый? Не выспался, что ли?

— Наверное. — Павел не мог себя заставить взглянуть в глаза отца. Не мог — и все. — Я это...

— Чего?

— Это я... Да ничего, наверное. Просто не выспался.

Лицо отца напряглось. Глаза сузились.

— Просто не выспался? Или... плохо спалось?

Сын сглотнул слюну. И, продолжая смотреть в сторону, пробормотал:

— Мне это... в общем... Кошмар мне сегодня приснился.

Лицо отца совсем окаменело. Он стоял, засунув большие пальцы рук за широкий кожаный пояс, и молчал. И Павел понимал, почему молчит отец. Все обитатели Промзоны знали о том, что сыну Правителя Корнея очень редко снятся сны. Но если уж снятся, то обязательно вещие. Потому и прозвали Павла Сновидом.

Прозвище на то и дается, чтобы о человеке без лишних слов сказать: чем известен, какой из себя, чего от него ждать. К Сновиду жители Промзоны относились с настороженностью — потому что опасались его ночных видений. Ведь они всегда предвещали беду.

После того, как Павел провидел смерть матери, Корней запретил сыну рассказывать о снах. Рассказывать кому-нибудь, кроме как ему. Чтобы не пугать других людей раньше времени. Во-первых, вещий сон ведь еще правильно растолковать надо. А во-вторых...

Во-вторых, от судьбы все равно не уйдешь. Но дурные видения сыну продолжали являться, хотя и редко. И всегда затем оборачивались большой бедой.

Вот почему молчал сейчас Корней. Долго молчал. Потом осторожно спросил:

— И о чем на этот раз?

И опять Сновид не смог взглянуть в глаза отцу.

— Даже не знаю — странный какой-то сон, — не признался, а промямлил. — Непонятный. Люди и нео. Дрались. Мечи, копыя, дубины. И много крови.

Отец глубоко вздохнул.

— И все?

— Все. Очень много крови. И... и все. Я закричал. И проснулся.

— И проснулся?... Ну, если так... — в голосе отца звучало недоверие. — Если так, то время покажет. Крови при

штурме кремля наверняка прольется много. На войне, как на войне, про то мы и без снов догадываемся. Но оно того стоит. Верно, сын?

— Не знаю, — тихо отозвался Сновид. — Может... отложить штурм?

— А вот это — никогда! — сжав кулак, почти выкрикнул Корней.

Помолчав, уже мягче добавил:

— Пойми, сын, от судьбы не спрячешься. Она — в тебе. И всегда с тобой...

Павел так и не смог рассказать отцу о чернобородом воине из сна. Не осмелился, язык не повернулся. Вон, о матери тогда сказал, и... Не все же его кошмары должны, в конце концов, сбываться?

Да и чернобородых мужиков в Промзоне хватает. Вон у Рината Ворона, дяди Павла по матери и начальника отдела безопасности, тоже борода черная. Правда, маленькая, и глаза черные, а не синие, как у воина во сне...

* * *

На обрывистом берегу реки, взобравшись на высокий полковой барабан, стояло неизвестное существо с человеческой фигурой. А вот лица у него не было — его заменяла плотная маска. На ней неизвестный художник изобразил алые губы, продолговатые глаза с дырками вместо зрачков, черные брови... А поверхность маски раскрасил белой краской «под кожу».

В общем, почти человеческое лицо. Если не считать третьего глаза на лбу, обрамленного драгоценными камнями. Он, вкупе с неподвижностью маски, вызывал ассоциацию с лицом мертвеца. Но не простого смертного, а высокопоставленного — правителя или жреца.

Однако существо, облаченное в длиннополый черный плащ, совсем не собиралось умирать. Оно держало в руке подзорную трубу и следило за событиями, происходящими в широкой ложбине. По ней бежал мальчик лет семи-восьми, одетый в голубенькую рубашку. Он торопился

к густым зарослям кустов, намереваясь там укрыться. За ним гнался высокий воин в доспехах. И, судя по всему, проигрывал в этой гонке.

Существо в маске недовольно хмыкнуло. Стоящий рядом с ним воин тут же отреагировал, спросив скрипучим голосом:

— Ты что-то сказал, великий хайн?

— Дай мне лук.

Воин вытащил из кожаного сайдака, висевшего на спине, лук и протянул его хайну — вместе со стрелой. Тот принял оружие, отдав воину подзорную трубу. Потом, приложив древко стрелы к тетиве, натянул лук. Прицелился. И спустил тетиву.

Стрела, разрезая воздух, помчалась вслед за бегущим мальчиком. Он уже почти достиг зарослей, но не успел укрыться в них. Наконечник вонзился ему в спину и, прошив тело насквозь, пробил грудную клетку.

— Мастерский выстрел, — бесстрастно произнес воин. — Дичь даже не трепыхнулась.

— Лучше бы его поймали, — сказал хайн. — Мутант умел быстро бегать. Мог бы получиться хороший кешайн.

В это время раздался нечленораздельный крик. Через несколько секунд на поляне, обогнув разлапистую ель-мутанта, появились двое воинов. Они волокли за руки растрепанную женщину. Та кричала и дергалась, пытаясь вырваться, но усилия были напрасны. Воины подволокли жертву и остановились в нескольких шагах от хайна.

— Вот, поймали тут, великий хайн, — доложил один из воинов. — Что с ней делать?

Женщина подняла разбитое лицо. Посмотрев на человека в маске, плюнула и выкрикнула:

— Ирод!

Кровавый сгусток слюны упал на мембрану барабана, чуть-чуть не долетев до ног хайна. Один из воинов тут же ударил женщину в висок кулаком. Она, всхлипнув, бесильно уронила голову.

— Возьмите эту самку себе, — с брезгливостью в голосе распорядился хайн.

— А потом?

— Скормите гребцам.

Подождав, пока воины отволокут женщину в сторону, хайн вздохнул и произнес:

— Какие они крикливые, эти люди... Пожалуй, Лу-тзы, мне пора пообедать.

Глава первая

ЯРОСТЬ

Они уже почти добрались до цели. Подземный коммуникационный коллектор — бетонный квадратный коридор размером примерно два на три метра — в этом месте поворачивал налево. В конце коридора находился смотровой колодец — конечная точка маршрута мобильной группы. А это означало, что воины Промзоны вскоре смогут решить главную задачу — выбить из Тобольского кремля нео. Долго там хозяйничали мохнатые — почти двести лет. Наступила пора вернуть святыню людям.

— Вот что, парни, — сказал командир группы лейтенант Егор Крот. — Обследуем проход и можно докладывать Правителю. Но смотреть у меня в оба — подземелье, это тебе не хрен хоммучий. А ты, Сновид, и ты...

Закончить инструктаж командир не успел. Откуда взялся этот относительно небольшой, с метр, баг, никто толком не понял. Даже Крот, а уж он-то подобных тварей за версту чуял. И крысопес Рекс, специально выдрессированный для охоты на руконогих мутантов, проморгал. Чуток расслабился или отвлекся — животное все же, а не биоробот. А гаденыш этот возьми и объявись.

Руконогая тварь скользнула вдоль стены еле заметной тенью, метя Павлу в бедро раззявленными жвалами. И вцепилась бы, зараза, если бы малость не просчиталась. Сновид был в хауберке — длиннополой кольчуге до колен, — поэтому челюсти бага клацнули по железным кольцам и со

скрежетом соскользнули вниз. Но ногу под коленом ухватить не успели — выручил Рекс.

Пес, заметив угрозу, кинулся за багом и вцепился в его заднюю лапу своими зубищами. Руконог, на мгновение потеряв координацию, попытался извернуться. Но едва он бросил тело вверх, показав живот, как его песенка оказалась спета. Тут уж Павел не сплоховал: вскинул копье и со всей мощи вонзил кованый наконечник в подбрюшье — так, что пришил борзую зверюгу к рыхлой бетонной стенке.

Всего одна такая точка у бага есть, по-научному сфинктер называется, куда можно засранцу наконечник вогнать наверняка. В аккурат у основания хвоста. И Павел не промахнулся. А как же иначе?! Многомесячный опыт и не в такие мишени научит попадать.

Руконог пронзительно заверещал и оскалился, обнажив вертикальные жвала с напильниками зубов. И без того уродливую морду исказила жуткая гримаса. Туловище, пригвожденное к стене, судорожно извивалось, пытаясь обрести свободу. Но кто ж ему даст, убогому?

Истребители мутлов знали свое дело. Дюжий воин в кольчуге, Ванька по прозвищу Бугай, взмахнул коротким бердышом и ударил в шею — точно в место соединения двух хитиновых пластин. Хрясть! Брызнула гнойно-жёлтая слизь, и продолговатая голова монстра со стуком упала на пол.

Восемь когтистых лап, оставшись без управления, дернулись несколько раз и беспомощно повисли. Павел с силой выдернул копье из стены и подтащил к себе — вместе с обезглавленным трупом бага, застрявшем на наконечнике. Затем, помогая ногой, высвободил оружие и выдохнул:

— Вот, зараза. Чуть ногу не отгрыз. Как думаете...

— Замри, — негромко, но с экспрессией оборвал лейтенант. Он стоял, напряженно всматриваясь в коридор, ухловивший в сторону кремля. В руках Крот сжимал АКМ.

Огнестрельное оружие из всей группы имел лишь он и применял его лишь в крайних случаях, экономя патроны. Мало их, истребителям мутлов по специальному разреше-

нию Правителя выдают. Ибо задача у тех особо важная: зачистить коллектор так, чтобы никакие твари не помещали при штурме. А твари под землей попадаются разные. Иногда без огнестрела не отбиться, особенно если стаей налетят.

В коридоре было темно, как у нео в заднице. Свет факела, установленного у поворота в специальном треножнике, развеивал тьму на расстоянии десятка шагов, не больше. Дальше царила темнота. А еще сильно воняло. Ну очень сильно — хоть противогаз надевай. И вонь эта постепенно усиливалась, по мере того, как мобильная группа продвигалась к повороту. А сейчас уже смердило так, что...

— Все к бою, — почти прошипел Крот. Он явно что-то чувствовал.

Павел отставил ногу для лучшего упора и отвел копье назад. В отличие от лейтенанта он ничего особо опасного не ощущал. Даже мелькнула мысль — а не перестраховывается ли командир? Но Сновид тут же отогнал ее. Нет, чутье у лейтенанта звериное...

Взгляд невольно упал на Рекса. Крысопес находился в полуприседе, поводя вытянутым, заостренным на кончике, носом; короткая шерсть на загривке вздыбилась. Еще через мгновение он рыкнул, и почти тут же из мрака коридора выскочили *они*. И было *их* не меньше десятка.

Павел так и подумал: *они*, потому что раньше подобных тварей не видел. На курсах молодого бойца много чего рассказывают и даже иногда рисунки показывают; но так то — на курсах. А тут попробуй сразу сообразить, да еще в подземелье, что за хрень на тебя несется.

Впрочем, *эти* не неслись, а прыгали. Однако вместо ног у *них* по бокам округлых туловищ топорщилось нечто вроде плавников, которыми твари и отталкивались. Когда самая шустрая из них, раззявив зубастую пасть, выбросилась вперед, Павел, наконец, вспомнил: «Прыгающие черви! Вот же, зараза!»

Шустрая «зараза», метившая в бок Рекса, так и не добралась до цели. Стрела, выпущенная лучником Антипом Тошим, свистнула под ухом Павла и вонзилась прямо в разинутую пасть твари. Вонзилась — и с треском вырвалась

наружу, пробив плотную, покрытую хитиновой чешуей, кожу. Стрела, наверное, прошла бы злобного уroda насквозь, если бы не застряла оперением где-то в кишках. Червяка отбросило вбок, и крысопес, изловчившись, с хрустом перекусил туловище гада пополам.

Второй, чуть подотставший, червяк явно намеревался попробовать на зуб Павла. Оттолкнувшись плавниками, он метнулся в сторону бойца. Да силенок не рассчитал и плюхнулся у ног Сновида. Тот молниеносно вонзил в гада копье, пригвоздив его к полу. Треугольный стальной наконечник легко пробил хитиновый панцирь, разбрызгивая желтую и вонючую слизь. Сдохни, уродина!

Но уродина и не думала сдаваться. Пришпиленная к полу, она изогнула туловище и сомкнула пасть на древке. Вжик! — и оно оказалось разрезано зубами пополам. Словно бензопилой распилили. Были такие удобные механизмы в прежние времена. Павел видел одну пилу на складе в Промзоне — хранилась в качестве наглядного пособия.

— Руби им башки! — проорал лейтенант. — А то загрызут на фиг!

Сам он, закинув автомат за плечо, уже вовсю орудовал коротким, но очень широким, мачете. Быстро и точно орудовал: лишь куски туловищ разлетались и ошметки желто-зеленых кишок.

Сержанту активно содействовал Рекс. Он разделявал подземных тварей на части при помощи пасти и всех своих четырех когтистых конечностей. И ловко, надо заметить, получалось. Вот что значит сноровка и тренировка.

Павел тоже не стал скучать. Отшвырнув бесполезный остаток древка, выхватил меч. Располовинил червя под ногами и кинул взгляд вперед.

Твари продолжали вываливаться из темного зева коридора, словно их кто-то специально гнал навстречу бойцам мобильной группы. По сравнению с багами, черви казались медлительными, на мгновение замирая перед очередным прыжком. Но их было много. И зубы твари имели хотя и мелкие, но исключительно острые, способные разгрызть даже тонкий лист железа.

Один из червяков изловчился и сумел-таки в прыжке долететь до ноги Ваньки Бугая. Гаденыш уже, считай, вцепился в голень, когда Павел рассек его мечом. Кишки вывалились наружу, но головной мозг твари продолжал посылать импульсы — и та успела сомкнуть зубы на голенище сапога. Если бы не стальные стержни, вшитые в кожу промзоновским сапожником, стал бы Ванька инвалидом; а то бы и вовсе без ноги остался. А так...

Так, считай, пронесло. Бугай хотя и взвыл, но тут же засадил кончиком клинка бердыша в основание распахнутой челюсти. Р-раз! И с хрустом распорол остаток червя, как гнилой чулок.

— А ну расступись!

Рассвирепев от боли, Ванька с такой интенсивностью заработал бердышом, что едва не отсек Рексу торчащий хвост. Лейтенант Крот, услышав рык Бугая, отскочил к стене и пропустил того вперед — коридор-то и без того узкий, не ровен час... Разъяренный двухметровый Бугай с его длинными ручищами, это как средних размеров мельница — не то, что руконога или нео, самого потолочника искрошит в капусту.

А потолочник, это такая тварь — всем монстрам монстр. Говорят, ученые их когда-то специально создали, чтобы в подземельях шороху наводили. Пасть половину головы занимает, а голова в два раза больше, чем у фенакодуса. Ну и зубища — можно представить, какие они должны быть при такой башке...

И вот подобный монстр напал на мобильную группу в главном коллекторе — это еще несколько месяцев назад случилось, когда промзоновские только начинали зачистку и обустройство тоннеля до кремля. Напал и с ходу убил одного бойца. И Бугая зацепил за бок своей ногой — они у потолочников словно пилы.

Так вот. Ванька тогда так рассвирепел, что монстра на мелкие запчасти разделал. Даже на учебное пособие для гимназистов толком ничего собрать не удалось, кроме разрубленной челюсти и нескольких позвонков. Правда, клинок бердыша так зазубрился, что пришлось новый ковать.